

Долганев Е. Е. Современная Абиссиния: Религиозные обычаи и обряды. (Из рассказов туземца) // Богословский вестник 1895. Т. 3. № 8. С. 224–251 (2-я пагин.). (Продолжение.)

СОВРЕМЕННАЯ АБИССИНІЯ.

Религіозные обычаи и обряды.

(Изъ рассказовъ туземца) *).

Въ первые вѣка христіанства не было стремленія къ строгому однообразію во внѣшнемъ строѣ Церкви. Каждая частная національная Церковь могла свободно творить формы для выраженія однѣхъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ христіанскихъ идей. Оттого образовалось нѣсколько обрядовъ, сродныхъ другъ другу лишь по существу или по основной идеѣ: латинскій, греческій (византійскій), арабскій, египетскій и др. До четвертаго вѣка эта свобода христіанскаго творчества была еще во всей силѣ. Проповѣдники евангелія, обращая какой-нибудь народъ въ христіанство (исторія знаетъ примѣры почти огульнаго обращенія цѣлаго народа въ христіанство), не давали ему тутъ же готовыхъ, опредѣленныхъ формъ и нормъ для церковно-религіозной жизни, а давали только, такъ сказать, схему для нея или идею. Всѣ народы, просвѣщенные христіанствомъ въ самые первые вѣка нашей эры, пользовались этой свободой, и она выразилась въ строѣ ихъ національныхъ церквей. Абиссинцы, напримѣръ, получили христіанство отъ Египтянъ, и дѣйствительно вліяніе египетскаго обряда на внѣшній строй абиссинской Церкви нѣсколько замѣтно,—но именно только нѣсколько замѣтно. У египтянъ и у абиссинцевъ встрѣчаются общія черты, свойственныя только этимъ народамъ, но есть и поразительное различіе. Въ абиссинскомъ обрядѣ встрѣчается то, чего нѣтъ у египтянъ, и наоборотъ. Если судить по обряду (не зная

---

*) Продолженіе. См. Апрельъ и Май.

исторіи), то даже трудно угадать, отъ кого абиссинцы приняли христіанство. Вообще нужно замѣтить, что абиссинскій обрядъ— обрядъ исключительный, отличающійся отъ обрядовъ другихъ восточныхъ Церквей. Это показываетъ, что онъ продуктъ національнаго творчества абиссинскихъ христіанъ ¹⁾. Мало того. Онъ болѣе всего носитъ на себѣ слѣды еще ветхо-завѣтной древности и уноситъ мысль ко временамъ Моисея, Скинни, Давида, Соломона и пр.

Центръ обрядовой стороны — это храмъ съ совершающимися въ немъ службами. Годичный же церковный кругъ вполне исчерпываетъ собою всѣ особенности богослуженія. И потому мы познакоимся сначала съ устройствомъ абиссинскихъ храмовъ, а затѣмъ съ древне-эфіопскимъ богослуженіемъ.

По общепринятому въ странѣ обычаю всѣ абиссинскіе храмы строятся вдали— на большомъ разстояніи отъ города или села, къ которому они принадлежатъ. Подобно, какъ для Моисеевой скинии, для нихъ выбирается мѣсто возвышенное, видное и настолько отдаленное отъ жилыхъ помѣщеній, чтобы испаренія, дымъ, чадъ и пр. не достигали до храмовъ. Храмъ съ окружающимъ его садомъ, обыкновенно занимаетъ очень большое пространство земли. Церковный садъ служитъ кладбищемъ для всѣхъ, принадлежащихъ къ храму прихожанъ. Строятся храмы изъ дерева или камня. Внутри круглаго пустаго зданія, какъ разъ въ самомъ центрѣ его, помѣщается алтарь, тоже круглой формы. Алтарь—это возвышенное мѣсто, окруженное высокою деревянною оградю, иногда рѣшетчатою, иногда сплошною, уставленною иконами. Это иконостасъ, въ которомъ, какъ и у насъ, три двери и завѣса, проходящая между иконостасомъ и престоломъ. Три двери помѣщаются въ западномъ полукружии алтарной ограды, такъ что восточное остается совершенно глухимъ. Для народа отводится мѣсто по сию сторону алтаря, а по другую мѣсто считается священнымъ и предназначеннымъ только для нѣкоторыхъ избранныхъ лицъ—духовныхъ (въ томъ числѣ и для ученыхъ). Мужчины стоятъ въ храмѣ

¹⁾ Этимъ, можетъ быть, и объясняется то явленіе, что въ Абиссиніи вовсе нѣтъ какихъ либо споровъ и раздѣленій изъ-за обряда, между тѣмъ какъ онъ тамъ въ каждой отдѣльной мѣстности произвольно измѣняется.

направо, женщины налѣво. Хоръ помѣщается у западной стѣны храма, прямо противъ алтаря. Мѣсто для хора обозначается тѣмъ, что бываетъ сплошь устлано коврами. Впрочемъ есть храмы, ничѣмъ не отличающіеся по своему общему плану отъ нашихъ церквей, т. е. четверугольные или крестовидные съ алтаремъ у восточной стѣны храма. Но такихъ храмовъ въ Абиссиніи слишкомъ мало.

При храмѣ есть нѣсколько построекъ, имѣющихъ специальное назначеніе. Это два домика: одинъ, меньшій по объему, называемый бетельгельмъ (домъ хлѣба) предназначается для заготовленія въ немъ веществъ, необходимыхъ для совершенія литургіи. Кромѣ того въ бетельгельмѣ находятся: большой умывальникъ для чередныхъ священниковъ и діаконовъ и перемѣнныя чистыя одежды для нихъ же. Идя въ храмъ къ службѣ, чередные священнослужители заходятъ въ бетельгельмъ. Здѣсь каждый оmyваетъ все свое тѣло и и надѣваетъ чистыя одежды. Бетельгельмъ находится въ оградѣ противъ сѣверныхъ дверей храма, которыми обыкновенно входятъ чередные священники и диаконы. Войдя этими дверями, они проходятъ за алтарь—въ восточную половину храма, гдѣ стоитъ облачальный аналой. Здѣсь они облачаются въ церковныя ризы и затѣмъ идутъ въ алтарь... Другая постройка, побольше бетельгельма, служитъ для разныхъ цѣлей: въ ней хранятся съѣстные припасы, приносимые усердствующими для устройства общихъ трапезъ, и живетъ церковный сторожъ, обязанность котораго оберегать приношенія, а въ ночное время сторожить храмъ. Въ этой же постройкѣ находится особое отдѣленіе—ыккаветъ (сокровищница), гдѣ хранится вся церковная утварь: чаши, диски, кадила, церковныя облаченія, а также евангелія, богослужебныя и др. книги. Сокровищницей завѣдуетъ гавасъ (старшій священникъ), исполняющій обязанности нашего церковнаго старосты, или ключаря. Предъ службой діаконовъ или (въ большихъ храмахъ) особый прислужникъ вноситъ въ храмъ изъ ыккавета (сокровищницы) евангеліе, сосуды, облаченія, необходимыя къ предстоящей службѣ. Все это онъ складываетъ на особомъ столикѣ за алтаремъ—съ восточной стороны, гдѣ облачаются священнослужители. Въ алтарѣ же нѣтъ ничего изъ церковной утвари, кромѣ большаго священнаго ковчега, предназначен-

наго для храненія св. даровъ. Ковчегъ этотъ имѣетъ форму ветхо-завѣтнаго Ковчега Завѣта. Предъ чтеніемъ евангелія, послѣднее вносится въ алтарь, но потомъ опять уносится діакономъ. Особенное уваженіе абиссинцевъ къ алтарю выражается еще въ томъ, что входитъ въ него дозволяется лишь священнослужителямъ и то череднымъ и не иначе, какъ для совершенія церковной службы. А св. престолъ—это для абиссинцевъ такая святыня, на которую народъ не смѣетъ и взирать. Темная щелковая завѣса, никогда не открываемая, даже на пасху, навсегда скрываетъ отъ глазъ абиссинскаго народа Божій престолъ. Міряне не видятъ ни его, ни того, что вокругъ его и на немъ совершается. Діаконы, присутствуя въ алтарѣ во время службы, не смѣютъ прикасаться къ престолу. Если же это и случится по нечаянности, то провинившійся въ страхъ налагаетъ на себя какую нибудь строгую епитимію, напр.—сорокъ дней поста, въ теченіе коихъ кающійся вкушаетъ пищу (хлѣбъ съ водой) разъ въ день—вечеромъ, или—поклоны, по 100—200 ежедневно въ теченіе полу-года и т. п.

Въ Абиссиніи нѣтъ обычая вжигать предъ иконами свѣчи; только въ алтарѣ стоитъ семисвѣчникъ, и еще во время литургіи два діакона стоятъ по сторонамъ престола съ зажженными свѣчами. Въ ночное время, когда идетъ служба, храмъ освѣщается нѣсколькими лампадами. Чѣмъ богаче храмъ, тѣмъ больше въ немъ бываетъ лампадъ.

Въ бетельгельмѣ живетъ старикъ—пекарь, обыкновенно изъ монаховъ, строгій аскетъ и подвижникъ. Онъ приготовляетъ хлѣбы и вино для литургіи и разводитъ огонь для куренія еиміама. Въ большихъ храмахъ есть еще особое лицо, тоже изъ аскетовъ, называемое фимъ-чары (носитель угольевъ); его обязанность переносить кадилные уголья изъ бетельгельма сѣверными дверями храма къ алтарю и передавать кадило въ руки діакону. Въ сельскихъ храмахъ обязанность фимъ-чары исполняетъ одинъ изъ служащихъ діаконовъ (младшій). Въ бетельгельмѣ, кромѣ старика-пекаря и фимъ-чары (если онъ есть), имѣютъ право входа лишь священнослужители, имѣющіе благодать священства, полученную чрезъ святительское руковожденіе. Только имъ однимъ извѣстно, въ чемъ тайна (мистиръ), совершающаяся въ бетельгельмѣ.

Подъ тайной разумѣется происхожденіе евхаристическаго хлѣба и кадилаго огня. Простой народъ твердо вѣрить, что все это получается съ небесъ (sic). Всякаго вновь рукоположеннаго діакона духовникъ его, послѣ обычныхъ наставленій въ обязанности сана, вводитъ въ бетельгельмъ и открываетъ ему „мистирь“—тайну. Узнавшій ее, подѣ страхомъ смертнаго грѣха, не смѣетъ открыть ее другимъ, непосвященнымъ.

Каждый храмъ абиссинскій освящается въ честь Спасителя, или Богородицы, или какого нибудь угодника Божія. Освященіе совершается священниками, но каждый храмъ непременно долженъ имѣть освященный самимъ епископомъ таоть (буквально-ковчегъ), безъ котораго немисливо совершеніе въ храмѣ литургіи. Таоть имѣетъ видъ четверугольной доски (деревянной или каменной, фута въ два длины и около фута въ ширину) съ выбитыми на ней письменами, означающими Имя св. Троицы и того, кому посвященъ храмъ. Таоть, обернутый вполтнью нѣсколькими шелковыми платками, полагается на престолѣ внизъ письменами и иногда врѣзается вглубь верхней доски престола. Требуется, чтобы таоть былъ совершенно гладокъ, безъ всякихъ царапинъ и порѣзовъ, потому и цѣнится онъ очень дорого, на наши деньги въ 50—60 рублей. Настоятель храма обязанъ слѣдить за цѣлостью таота. Кромѣ того таоты ревизуетъ ежегодно ликакгайпатъ при обзорѣни своей епархіи. Настоятель храма обязанъ вынести изъ алтаря таоть, снять съ него платки и показать его со всѣхъ сторонъ ликакгайпату, который, какъ не имѣющій сана священства, не смѣетъ прикасаться къ таоту. Строгое наказаніе ожидаетъ тотъ причтъ, въ храмѣ котораго таоть окажется поврежденнымъ. При перемѣнѣ таота старый прячется подѣ престоломъ, а для освященія новаго отправляется къ епископу самъ настоятель храма. Новый, освященный епископомъ, таоть препровождается въ храмъ съ большою торжественностью. Во все время путешествія отъ епископа самъ настоятель (гавасъ) держитъ таоть на своей главѣ и такъ ѣдетъ, окруженный толпою вооруженныхъ воиновъ. Во время войны таоть изъ придворнаго храма выносятся священниками на поле битвы.

Что касается церковныхъ облаченій, то Абиссинія въ этомъ

отношеніи мало чѣмъ отличается отъ другихъ восточныхъ христіанскихъ странъ. Священники надѣваютъ сверхъ подризника фелонь (борпусъ), имѣющую видъ монашеской мантии, только безъ складъ. О существованіи же епитрахили абиссинцы не знаютъ. Она стала употребляться только не давно абиссинскими монахами, живущими въ Іерусалимѣ. Діаконы носятъ стихарь безъ ораря, а въ нѣкоторыхъ церквахъ надѣваютъ даже фелонь (у коптовъ этого нѣтъ).

Наканунѣ совершенія литургіи въ бетельгельмъ приносятся вещества для евхаристіи: двѣ мѣры ¹⁾ пшеницы и нѣсколько виноградныхъ гроздей. Часто бываетъ, что эти предметы доставляетъ кто-либо изъ благочестивыхъ мірянъ. Пекаръ изъ пшеницы изготовляетъ нѣсколько хлѣбовъ, а изъ гроздей выжимаетъ въ сосудъ сокъ. Въ день совершенія литургіи раннимъ утромъ приходятъ имѣющіе служить священники и діаконы. Омывшись и облачившись въ священныя одежды, они торжественно переносятъ хлѣбъ и вино въ алтарь. Изъ испеченныхъ хлѣбовъ выбираютъ три самыхъ лучшихъ. Корзину со сложенными въ нее хлѣбами и сосудъ съ виномъ несутъ два діакона на своихъ главахъ, а имъ предшествуютъ священники со свѣчами въ рукахъ. Народъ съ благоговѣніемъ и страхомъ смотритъ на это таинственное перенесеніе чего то. Въ алтарѣ хлѣбъ и вино принимаетъ старшій изъ назначенныхъ къ служенію священниковъ. Изъ трехъ хлѣбовъ онъ выбираетъ одинъ лучшій и кладетъ его на дискось, представляющій изъ себя большое блюдо безъ подножки, а вино вливаетъ въ св. чашу, такую же по формѣ, какъ и наша. Агнецъ, употребляемый въ абиссинскихъ церквахъ, имѣетъ правильную форму большаго круглаго хлѣба (около фута въ діаметрѣ) съ печатью наверху, изображающею двѣнадцать малыхъ крестовъ и одинъ большой, проходящій діаметрально черезъ весь хлѣбъ. Большимъ крестомъ агнецъ разсѣкается на четыре равныя части, изъ которыхъ каждая въ свою очередь, тремя втиснутыми линиями, проходящими очень глубоко—до самой исподней части хлѣба, дѣлится на три части. Такимъ образомъ весь агнецъ состоитъ изъ двѣнадцати надломовъ съ знаками креста на каждомъ. На агнцѣ по краямъ его изобра-

---

¹⁾ Мѣра равняется еврейской ефа.

жаются слова: „Иисусъ Христосъ Сынь Божій“ или: „Иисусъ Христосъ Сынь Бога живаго“ или еще: Иисусъ Христосъ Эммануиль“.

Дискосъ съ агнцемъ и чашу съ виномъ священникъ ставитъ на престоль (сверхъ таота) такъ: дискосъ предъ собою, а чашу подалше отъ себя, позади дискоса, и тутъ же благословляетъ ихъ поочередно, сначала дискосъ, потомъ чашу.—Священническое благословеніе, какъ и крестное знаменіе—нужно замѣтить—у абиссинцевъ совершается обычно двумя перстами—большимъ и указательнымъ, или большимъ и среднимъ, сложенными на-крестъ.—Затѣмъ начинается литургія. До возгласа о мирѣ и лобзаніи составъ литургіи всегда неизмѣненъ. Но потомъ начинается самая важная часъ литургіи, видоизмѣняющаяся въ каждой изъ существующихъ въ Абиссиніи четырнадцати литургій. Эти литургіи слѣдующія: 1) Господня, 2) апостольская, 3) Богородичная, 4) Кирилла Александрійскаго, 5) Аѳанасія Александрійскаго (по воскресеньямъ), 6) Іоанна Богослова, 7) Іакова Сирійскаго, 8) Трехъ сотъ восемнадцати отцовъ I Вселенскаго Собора, 9) Григорія Богослова, 10) Григорія Армянскаго, 11) Василия Великаго (преимущественно въ дни поста), 12) Іоанна Златоустаго (обыкновенно въ среду, пятокъ и субботу), 13) патріарха Діоскора и 14) Елифанія Кипрскаго. Въ селахъ, гдѣ бываютъ неученые священники (не обучавшіеся въ школѣ кыддасі), служатся не всѣ четырнадцать литургій, а только первыя три въ нашемъ перечисленіи, которыя считаются главными и непременно должны быть усвоены каждымъ получающимъ священство чуть не на память.

Совершеніе литургіи въ Абиссиніи представляетъ слѣдующія особенности. Всегда служатъ ее не менѣе пяти священниковъ и трехъ діаконовъ. Евангеліе читается священникомъ, а не діакономъ; послѣдній читаетъ только апостоль.—Послѣ возгласа діакона: „молитесь о мирѣ и лобзайте другъ друга“ ¹⁾ въ большинствѣ абиссинскихъ храмовъ бываетъ взаимное цѣлованіе между мужчинами, стоящими въ храмѣ. Въ рѣдкихъ церквахъ этотъ обычай

¹⁾ Этотъ возгласъ соотвѣтствуетъ нашему: „возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣмся“.

не соблюдается.—Во все время продолженія литургіи старшій священникъ стоитъ у престола съ благоговѣнно возложенными на агнецъ руками. Онъ не отнимаетъ ихъ отъ агнца ни на минуту, опасаясь прикоснуться къ постороннему предмету. Молитва пресуществленія произносится старшимъ священникомъ вслухъ и повторяется всѣмъ народомъ. Потомъ благословляются св. дары, но земнаго поклона при этомъ не бываетъ. Вслѣдъ за пресуществленіемъ слѣдуетъ преломленіе агнца на двѣнадцать кусковъ, сопровождаемое длинною трогательною молитвою, которая читается священникомъ нараспѣвъ, громко и раздѣльно, такъ какъ повторяется всѣмъ народомъ, стоящимъ въ храмѣ. Во время пѣнія этой молитвы рѣдкіе удерживаются отъ слезъ. Затѣмъ слѣдуетъ исповѣданіе вѣры.

Въ совершеніи литургіи слѣдуетъ указать еще ту особенность, что всѣ отвѣты на возгласы священнослужителей произносить весь народъ, стоящій въ храмѣ.

Причащеніе священнослужителей въ алтарѣ происходитъ слѣдующимъ образомъ: старшій іерей, причастившись Пречистаго Тѣла, раздаетъ частицы агнца всѣмъ служащимъ, причемъ кладетъ частицы не въ руки, а въ уста cadaго, подходящаго съ благоговѣнно сложенными руками на персяхъ. Каждую частицу священникъ беретъ большимъ и указательными перстами, сложенными—какъ для благословенія—въ знакъ креста. Діакона получаютъ причастіе не у престола, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него. Затѣмъ священнослужители причащаются Пречистой Крови, но не изъ чаши прямо, а изъ лжицы.

Во время причащенія священнослужителей хоръ исполняетъ к'не (стихи). Сочинитель стиховъ выступаетъ на средину хора и поетъ громко свое произведеніе. Всѣ ученые, обучавшіеся к'не, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за исполненіемъ и вдумываются въ смыслъ стиховъ, который не сразу дается пониманію. Въ церкви въ это время водворяется тишина; только звучный голосъ пѣвца оглашаетъ своды. Тѣ же стихи повторяются всѣмъ хоромъ пѣвцовъ. Начальникъ хора даетъ знакъ, по которому музыканты ударяютъ въ кимвалы и барабаны, а пѣвцы разомъ, какъ одинъ человекъ, начинаютъ униссономъ мелодію стиховъ. Во все продолженіе пѣнія звуки кимваловъ и барабановъ не

умолкають, а на извѣстныхъ мѣстахъ къ нимъ присоединяется еще стукъ посоховъ и хлопанье рукъ; причемъ получается интересное зрѣлище отъ одновременно поднимаемыхъ и опускаемыхъ посоховъ, увѣнчанныхъ блестящими верхами. Иногда во время пѣнія вдругъ всѣ пѣвчіе бросаютъ посохи на землю и принимаются стучать правой ногой и хлопать ладонями.

Но вотъ отверзлись царскія врата, и въ нихъ показался громадный ковчегъ, покрытый сверху большимъ воздухомъ, несомый двумя священниками. Въ ковчегѣ этомъ находится дискосъ съ Пречистымъ Тѣломъ. Старшій іерей выходитъ вслѣдъ за ковчегомъ, держа руки подъ покровомъ на Пречистомъ Тѣлѣ. Выходитъ и старшій діаконъ съ чашей, имѣя по сторонамъ себя двухъ діаконовъ. Желаящіе причащаться міряне подходятъ сначала къ ковчегу. Іерей беретъ правой рукой часть Агнца и кладетъ въ уста каждому, не отнимая въ тоже время лѣвой руки отъ Пречистаго Тѣла. Потомъ идутъ къ діакону, который причащаетъ всѣхъ Пречистой Кровію изъ лжицы.

Нужно замѣтить, что въ Абиссиніи нѣтъ обычая часто приступать къ св. Таинству причащенія. По смиренію своему и изъ страха за свое недостоинство каждый абиссинецъ рѣшается причащаться лишь разъ въ годъ. Да и то не мало усилій требуется отъ него, пока его удостоятъ этой благодати. Вотъ абиссинскій обычай говѣнья: Всякій, желающій очистить свою совѣсть властію и благодатію Церкви, идетъ къ своему духовнику на домъ. Каждый прихожанинъ въ числѣ приходскихъ священниковъ имѣетъ одного какогонибудь постояннаго духовника, къ которому обращается во всѣхъ важныхъ случаяхъ своей жизни за молитвою и совѣтомъ. Придя въ домъ священника, кающійся опускается на колѣни у его ногъ и открываетъ ему свои грѣхи. Духовникъ въ это время сидитъ въ креслѣ, стараясь не смотрѣть въ лицо кающемуся, чтобы не смущать его. По окончаніи исповѣди духовникъ непременно назначаетъ кающемуся епитимію (канона), соотвѣтствующую тяжести грѣховъ, и потомъ произноситъ слова: „да разрѣшитъ тебя Богъ“; послѣ того кающійся цѣлуетъ духовнику руки и ноги, въ знакъ благодарности за прощеніе. Епитимія является подготовляющимъ средствомъ къ таинству Причащенія, къ ко-

торому можно приступать только по исполненіи ея. Самое разрѣшеніе грѣховъ дается священникомъ тоже подѣ условіемъ исполненія епитиміи. Отъ епитиміи не освобождаются даже больные, только имъ, ради ихъ немощи, дается облегченіе. Наименьшій срокъ епитиміи для здоровыхъ сорокъ дней. Но бываютъ епитиміи въ полѣ-года, годъ, даже болѣе. Самъ духовникъ, назначивъ срокъ епитиміи, опредѣляетъ ея качество: наприм., постъ, подѣ которымъ разумѣется вкушеніе только хлѣба и воды и то только вечеромъ дня; поклоны по 500, по 1000, по 7000 въ сутки. Сверхъ того каждому зажиточному христіанину духовникъ вмѣняетъ въ обязанность милостыню. Иногда по повелѣнію духовника какой-нибудь богачъ раздаетъ все свое имущество бѣднымъ и самъ становится бѣднякомъ. Нужно замѣтить, что говѣніе христіанъ въ Абиссиніи не совпадаетъ непременно съ церковнымъ постомъ, какъ у насъ. Тамъ каждый говѣетъ въ теченіе года, когда случится.—Священники исповѣдуются другъ у друга, кто у кого хочетъ. Если священникъ тяжко согрѣшитъ (прелюбодѣяніемъ или оскорбленіемъ святыни), то самъ добровольно лишаетъ себя сана (—это епитимія) и причащается, какъ мірянинъ. При этомъ не требуется какихъ-либо формальностей, сношенія съ епископомъ и т. п. Въ Абиссиніи добровольное лишеніе себя сана случается не рѣдко. Если какой-либо священникъ вдругъ сдѣлается простымъ міряниномъ, то всѣ догадываются о немъ: совершилъ какой-нибудь тяжкій грѣхъ.

По окончаніи срока ететиміи, назначенной священникомъ, мірянинъ приступаетъ къ св. Таинству причащенія. Наканунѣ этого торжества онъ тщательно вымываетъ все свое тѣло и надѣваетъ чистыя бѣлыя одежды. Крайній срокъ, до котораго можно вкушать пищу желающему причаститься (мірянину или священнику),—это за восемнадцать часовъ до начала литургіи. Въ теченіе этихъ часовъ требуется полное воздержаніе; даже нельзя, чтобы хоть одна капля воды попала въ ротъ и коснулась языка.

Мы еще ничего не сказали о заключительной части абиссинской обѣдни. Эта часть особенно интересна по своей оригинальности. Послѣ причащенія народа, когда ковчегъ съ дискомъ и чаша скроются за завѣсою, служащее ду-

ховенство выходитъ изъ алтаря и становится на амвонѣ. Вся церковь, весь народъ, во главѣ съ своими пастырями, произноситъ тогда вслухъ извѣстныя положенныя молитвы. Начало каждой молитвы возглашаетъ архидіаконъ. Обыкновенно читаются: „Мелькаа Иисусъ“ и „Мелькаа Марьямъ“ („мелькаа“—буквально тѣлесная красота, видъ). Въ своемъ мѣстѣ говорилось, что „мелькаа“—это нѣчто въ родѣ акаѳиста, въ которомъ восхваляются тѣлесные члены того лица, кому посвящается молитва. На восхваленіе каждаго отдѣльнаго члена полагается пятистишіе. Каждый святой абиссинскій имѣетъ свое мелькаа. Молитвамъ: „мелькаа Иисусъ“ и „мелькаа Марьямъ“ абиссинцы придаютъ такое большое значеніе, что считается грѣхомъ не знать ихъ наизусть. Кромѣ этихъ молитвъ въ концѣ литургіи читаются еще слѣдующія: пятнадцать пророческихъ пѣсней, пѣснь пѣсней Соломона, Уддасе (—хвала) Марьямъ Ефрема Сирина, Уддасе Марьямъ Яреда, абиссинскаго пѣснописца, и наконецъ, псалтирь. Когда кончится одно изъ нихъ, по приглашенію настоятеля всѣ читаютъ молитву Господню: „Отче нашъ“, которая является какъ бы связкой между отдѣльными частями. Послѣ чтенія „Отче нашъ“ архидіаконъ возглашаетъ начало слѣдующей молитвы и т. д. Нѣкоторыя изъ указанныхъ произведеній очень длинны; напримеръ „Уддасе Марьямъ“ Ефрема Сирина или псалтирь. Чтобы ускорить чтеніе ихъ, эти произведенія по частямъ распредѣляются между священнослужителями, пѣвцами и народомъ, и всѣ части читаются разомъ. Обязанность распредѣлять чтеніе лежитъ на томъ же архидіаконѣ. Гдѣ нѣтъ „дека-мезчуровъ“ (лицъ, знающихъ наизусть псалтирь), тамъ псалмы читаются по книгѣ священнослужителями, клириками и грамотными изъ народа. Архидіаконъ назначаетъ каждому чтецу по псалму, и всѣ читаютъ разомъ—каждый свой псаломъ. Такъ какъ для прочтенія 150 псалмовъ въ одинъ разъ потребовалось бы 150 человекъ, то въ сельскихъ церквахъ, гдѣ чтецовъ наберется не болѣе 50 человекъ, псалтирь прочитывается обыкновенно въ 3—4 приема.

Послѣ прочтенія псалтири слѣдуетъ импровизированная молитва старшаго священника и общее чтеніе молитвы Господней. Наконецъ, творится отпускъ, на которомъ всегда

вспоминается Хайка, известная Савская царица, почитаемая абиссинцами въ числѣ святыхъ. По отпускѣ всѣ подходятъ цѣловать изъ рукъ настоятеля св. крестъ. Въ числѣ первыхъ подходитъ сочинитель к'не. Поцѣловавъ крестъ, онъ становится рядомъ съ настоятелемъ и получаетъ поздравленія; съ нѣкоторыми даже лобызается. Потребивъ остатки св. даровъ, всѣ служащіе священники и діаконы идутъ въ облачальное отдѣленіе, гдѣ съѣдаютъ приготовленные для литургіи хлѣбы и выпиваютъ остатокъ вина. Между тѣмъ народъ располагается въ церковной оградѣ, въ ожиданіи выхода священно-служителей.— Въ Абиссиніи существуетъ добрый обычай. По окончаніи литургіи совершается общая трапеза изъ добровольныхъ приношеній. Нѣкоторые благочестивые христіане, идя въ храмъ, несутъ съ собою хлѣбъ и вино, которыя оставляютъ въ домикѣ при церкви на храненіи сторожа. Когда окончится служба, желающіе принять участіе въ трапезѣ остаются въ церковной оградѣ и разсаживаются на землѣ—мужчины и женщины отдѣльно. Потомъ приходятъ священники и діаконы и садятся возлѣ мужчинъ. Одинъ изъ священниковъ беретъ каждый изъ подносимыхъ хлѣбовъ и, благословивъ, преломляетъ его пополамъ; одну часть онъ оставляетъ у себя, а другую передаетъ женщинамъ. Потомъ оставшіяся половины тотъ же священникъ раздаетъ мужчинамъ. Послѣ импровизированной молитвы настоятеля и общаго чтенія молитвы Господней, каждый, молча, съѣдаетъ свой хлѣбъ и выпиваетъ стаканъ вина. Женщины вмѣсто вина пьютъ квасъ или медъ.

Если въ порядкѣ литургіи, этого центра христіанскаго богослуженія, существуетъ еще въ Абиссиніи однообразіе и опредѣленность, то этого вовсе нельзя сказать о другихъ церковныхъ службахъ. Того, что называется церковнымъ уставомъ, въ Абиссиніи нѣтъ, за исключеніемъ лишь страстной седмицы и пасхи, служба которыхъ опредѣлена въ особой книгѣ. Въ этанагастѣ, абиссинскомъ судебникѣ, есть нѣкоторыя правила относительно богослуженія, но они общаго характера и не опредѣляютъ порядка отдѣльныхъ службъ. „Дуга“,— годичный кругъ церковнаго пѣнія, — достояніе лишь тѣхъ церквей, гдѣ есть ученые клирики, окончившіе школы дуга и к'не. Но и въ книгѣ дуга нѣтъ опредѣлен-

наго указанія на порядокъ церковныхъ службъ. Книга „дуга“—это просто сборникъ церковныхъ пѣсней на всѣ дни года, составленныхъ и переложенныхъ на ноты знаменитымъ абиссинскимъ пѣснописцемъ Яредомъ. Онъ первый ввелъ въ Абиссиніи церковное пѣніе, раздѣливъ его на три напѣва или гласа: 1) „ызле“—воскресный или радостный, 2) „гыйзе“—постный и 3) „арарай“—печальный.

Чтобы умѣть пѣть пѣсни Яреда, необходимо учиться въ школѣ „дуга“. Поэтому въ большинствѣ абиссинскихъ храмовъ, гдѣ нѣтъ ученыхъ пѣвчихъ, и теперь, какъ было по всей Абиссиніи до VI вѣка, служеніе идетъ простое, безъ „дуга“. До литуріи утромъ или еще наканунѣ священники собираются въ церкви и читаютъ „саасатъ“ (часы),—служба, составленная Авва-Георгисомъ. Она состоитъ изъ общеизвѣстныхъ молитвъ: Мелькаа Иисусъ, Мелькаа Марьямъ, Улдасе Марьямъ и пр. Кромѣ того на саасатѣ еще читаются мѣста изъ книгъ: 1) Таамеръ Иисусъ (чудеса Иисуса, неизвѣстныя изъ евангелія), 2) Таамеръ Марьямъ (чудеса Маріи). Въ заключеніе прочитывается изъ синаксаря—житіе дневнаго святаго. Такимъ образомъ измѣняемою частью въ саасатѣ является лишь чтеніе изъ синаксаря, которое на каждый день ново, а въ остальномъ саасатъ всегда однообразенъ. Изъ народа почти никто не ходитъ на эту службу, а ходятъ только на обѣдню.

Въ двенадцатые праздники на саасатѣ читается еще евангеліе и мѣста изъ ветхаго заветъа. Самъ настоятель опредѣляетъ тогда, что читать примѣнительно къ воспоминаемому событію.

Но въ большихъ соборахъ и монастыряхъ, вмѣсто саасата, совершается торжественная и умирительная служба „моудбысъ“ (время хваленія). Она состоитъ изъ трехъ частей, сходныхъ между собою. Въ промежутокъ между ними, какъ бы для связи, бываетъ импровизированная молитва священника и общее чтеніе всею церковію молитвы „Отче нашъ“. Въ составъ каждой части моудбыса входятъ: пѣсни Яреда, импровизированные стихи (к'не), чтеніе изъ ветхаго заветъа и евангелія и молитвы, похожія по своему содержанію на наши ектеніи. Въ этихъ молитвахъ испрашиваются у Бога милости для всѣхъ духовныхъ и тѣлесныхъ, семейныхъ и общественныхъ нуждъ. Когда діаконъ произноситъ

эти молитвы, въ это время весь народъ възываетъ, повторяя много разъ: *guri*—алаисонь (*Κύριε ἐλέησον*—Господи помилуй!). Замѣчательно, что ни въ „дуга“ ни въ „Отанаста“ нѣтъ указанія на то, въ какой день какое слѣдуетъ читать евангеліе и какой пѣть предъ нимъ прокимень, между тѣмъ во всѣхъ абиссинскихъ храмахъ въ этомъ отношеніи существуетъ полное однообразіе. Уставъ, повидимому, существуетъ, только не въ книгахъ, а въ головахъ абиссинскихъ священниковъ. Каждая часть моудбыса заканчивается пѣніемъ одного или двухъ псалмовъ, съ участіемъ кимваловъ, барабановъ; причемъ и здѣсь, какъ на литургіи, плещутъ ладонями, стучать ногами и посохами.—Моудбысъ обыкновенно служится очень долго—три, четыре часа.

II.

Церковный годъ, какъ и гражданскій, начинается въ Абиссиніи съ 1-го сентября. Всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ имѣютъ по тридцати дней, а остающіеся въ концѣ года дни, сверхъ 360, называются по абиссински „пагумень“ (—дополненіе). Нынѣшній календарь, употребляемый въ Абиссиніи, составленъ Дмитріемъ, патріархомъ Александрійскимъ. Чтобы сообразовать церковный годъ съ солнечнымъ, Дмитрій ввелъ такой порядокъ: три года имѣютъ по 365 дней; это годы: 1) Матѳея, 2) Марка, 3) Луки; а четвертый годъ, названный Іоанновымъ, имѣетъ 366 дней. Такимъ образомъ пагумень годовъ Матѳея, Марка и Луки имѣетъ 5 дней, а въ Іоанновъ годъ онъ имѣетъ 6 дней. Первое сентября—это для абиссинцевъ большой праздникъ: первый день новаго года. Съ этимъ днемъ связанъ такой обычай: всѣ безъ исключенія въ ночь наканунѣ новаго года купаются въ рѣкѣ. Такъ какъ того же 1-го сентября празднуется по абиссинскому календарю усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, то самое купанье называется Іоанновымъ. Въ этотъ день всѣ ѣдятъ мясо. Бѣдныя семейства, чтобы не отстать отъ другихъ, соединяются вмѣстѣ и закаляютъ для себя тельца.—Черезъ двѣ съ половиною недѣли, именно 17 сентября, празднуется „Воздвиженіе креста“—„Баалъ Лямаскаль“—праздникъ креста. Для абиссинцевъ этотъ

праздникъ имѣеть особенное значеніе, такъ какъ ко времени его поспѣваютъ нѣкоторые древесные и хлѣбные плоды: напр. кукуруза, финики, яблоки, гранаты, апельсины и др. Считается грѣхомъ ѣсть эти плоды до праздника „ляма-скаль“. Съ нимъ соединяется еще такой интересный обычай: за нѣсколько дней до праздника народъ собираетъ сухія, длинныя деревья, изъ которыхъ связываетъ громадный, сажени въ 3—4, снопь. Снопъ этотъ ставится за селомъ или за городомъ на возвышенномъ мѣстѣ, вверху стропилами. Въ ночь наканунѣ праздника священнослужители съ крестомъ, въ сопровожденіи народа, — только мужчинъ, идутъ къ мѣсту, гдѣ заготовленъ костеръ, причемъ всѣ имѣють въ рукахъ горящіе свѣтильники, выдѣланные изъ травы. Въ Абиссиніи растетъ трава, называемая „шигъ“, которая имѣеть свойство горѣть медленно, какъ свѣча. Нѣсколько стеблей этой травы связывается вмѣстѣ и получается длинная свѣтильня. Ее употребляютъ въ темныя ночи въ качествѣ фонаря. Къ празднику воздвиженія изъ этой травы въ каждомъ селѣ готовится громадное количество свѣтиленъ. Въ этой работѣ преимущественно участвуютъ пастухи. За день до праздника они разносятъ свѣтильни по домамъ. Когда процессія съ горящими свѣчами приблизится къ мѣсту, гдѣ сложены дрова, духовенство выдѣляется изъ толпы и съ радостнымъ пѣніемъ и ликованіемъ обходитъ трижды древесный снопь. Потомъ всѣ священники и народъ втыкають свои свѣтильники въ костеръ. При сгораніи снопа народъ поетъ гимны въ честь креста. Потомъ всѣ поздравляютъ другъ друга съ праздникомъ, новыми плодами и началомъ счастья. Въ этотъ же день всѣ правители областей ѣздятъ съ поздравленіями къ верховному владыкѣ Абиссиніи и привозятъ съ собою ему богатые подарки.

Подъ большіе праздники: Рождество, Крещеніе, Благовѣщеніе и др., а также подъ храмовой праздникъ ¹⁾ въ абиссинскихъ церквахъ, гдѣ есть ученые клирики, вмѣсто моудбысь служится праздничная всенощная „озима-селляси“. Особенность этой службы та, что она короче моудбыса,

¹⁾ Ко дню храмоваго праздника въ ту церковь, гдѣ нѣтъ хора, приглашаются пѣвчіе изъ другихъ церквей.

состоить только из двухъ частей, съ пѣніемъ стиховъ (к'не) въ каждой и съ торжественнымъ возглашеніемъ прокимна предъ евангеліемъ. Послѣ возглашенія діакона прокимень этотъ поется всѣмъ народомъ. Озима-селляси обычно служится наканунѣ праздника въ три часа дня (по восточному счету въ 9 ч. вечера). Затѣмъ — на Рождество, Крещеніе и Пасху литургія служится наканунѣ — вскорѣ по заходѣ солнца и оканчивается до полуночи.

Рождество Христово празднуется въ Абиссиніи 29 декабря. На всенощной предъ евангеліемъ въ этотъ день читается прокимень: „Царіе Фарсійстіи и острови дары принесуть, царіе Аравстіи и Сава дары приведутъ (пс. 71, 10)“. Подъ „сава“ абиссинцы разумѣваютъ Эѳіоплянъ, своихъ предковъ. Въ Абиссиніи существуетъ преданіе, что въ числѣ трехъ волхвовъ, пришедшихъ поклонится новорожденному Христу, былъ одинъ эѳіопскій князь.

Праздникъ Крещенія (10 и 11 января) имѣетъ ту особенность, что къ этому дню весь приходъ каждой церкви — народъ и клирики переселяются изъ селъ и городовъ на берегъ ближайшей рѣки или озера. Тутъ же сооружается импровизированный храмъ — скинія и его неотъемлемыя пристройки: бетельгельмъ и ыккаветъ (сокровищница). Всѣ клирики поселяются вблизи новаго храма, разставивъ свои шатры. Богатые жители также строятъ себѣ на берегу рѣки палатки, а средніе и бѣдные располагаются съ своими семьями прямо подъ открытымъ небомъ. Каждое семейство захватываетъ съ собою обильные запасы для пищи: тельцовъ, овецъ, кадки масла, молока, бочки квасу, вина, меду и пр. Кто-нибудь изъ благочестивыхъ зажиточныхъ прихожанъ принимаетъ на себя обязанность устроить трапезу „Ля тавоть“ — для Церкви, т. е. клира. Наканунѣ праздника священники переносятъ изъ сельскаго храма тавоть (абиссинскій антиминсъ) и полагаютъ его на престолѣ новаго храма — палатки. За часъ до захода солнца начинается въ храмѣ „озима-селляси“ (всенощное бдѣніе), продолжается около двухъ часовъ, по окончаніи котораго всѣ выходятъ изъ храма и останавливаются у самой воды. Совершается чинъ освященія воды. Священникъ, держа правую рукою большой деревянный крестъ медленно совершаетъ имъ на водѣ крестное знаменіе, распѣвая слова:

„Единъ отецъ святъ“, Единъ Сынъ святъ, единъ Духъ Св. святъ“. Народъ отвѣчаетъ: „воистинну Единъ Отецъ святъ“ и т. д., причеъ немедленно всѣ стоящіе на берегу—мужчины, женщины, дѣти даже клирики (кроме служащихъ) бросаются въ воду. Самъ негусъ, присутствуя всегда на крещенскомъ водоосвященіи, купается вмѣстѣ съ народомъ. Чрезъ часъ послѣ освященія воды служится обѣдня, которая оканчивается до полуночи. Торжество на берегу рѣки длится три дня: 10, 11 и 12 января (12 января память архимандрита Михаила, особенно чтимаго въ Абиссиніи). Въ теченіе этого времени берегъ превращается въ мѣсто всеобщаго увеселенія. Дни и ночи проводятся народомъ въ купаньѣ, играхъ и пирахъ.

Кромѣ годовыхъ праздниковъ въ Абиссиніи существуютъ еще мѣсячные, повторяющіеся въ извѣстныя числа *каждаго* мѣсяца. Напримѣръ—праздникъ архистратига Михаила—12-го числа, Божіей Матери—21-го, Распятія Спасителя 27, Рождества Христова 29 и нѣсколько другихъ. Всѣ они считаются общеобязательными, хотя празднуются и не такъ торжественно, какъ годовые праздники. Мало того, каждый абиссинецъ—христіанинъ избираетъ своимъ покровителемъ какого-либо Угодника Божія, которому посвящаетъ празднованіе въ извѣстный день *каждаго* мѣсяца. Это личный праздникъ, но онъ для празднующаго является такимъ же важнымъ, какъ и Рождество, Крещеніе и пр. Въ день ежемѣсячнаго празднованія своего патрона каждый абиссинецъ устраиваетъ пиръ, на который сзываетъ родственниковъ и друзей. Для пира закалается тучный телець, котораго нарочно предъ тѣмъ хорошо кормятъ. Бѣдные рѣжутъ овецъ. Заготавливается нѣсколько ведеръ вина и меду. Изъ пшеницы выпекаются вкусныя хлѣбы—такіе же, какіе пекутся къ Пасхѣ, Рождеству и годовому празднику. Иногда нѣсколько человекъ, избравшіе своимъ патрономъ одного и того же святаго, соединяются вмѣстѣ и сообща раздѣляютъ расходы, связанные съ чествованіемъ праздника: такая коммуна называется „кось-кось“. Каждый членъ ея обязанъ въ тотъ мѣсяць, который выпадетъ на его очередь, устроить въ своемъ домѣ общую трапезу для всѣхъ участниковъ коммуны и ихъ родственниковъ. — Въ Абиссиніи почему то особенно чтутъ архистратига Михаила. Большая часть муж-

чинъ считаютъ его своимъ патрономъ. Женщины же особенно чтутъ Божию Матерь. 21-е число каждаго мѣсяца это вполне женскій праздникъ.

Если подвести итоги всѣмъ праздникамъ, въ которые абиссинцы считаютъ грѣхомъ работать, то окажется, что на мѣсяць рабочихъ дней тамъ приходится не болѣе девяти или десяти. Заповѣдь же о субботнемъ покоѣ абиссинцы соблюдаютъ очень ревниво. Считается даже грѣхомъ въ праздникъ достать изъ колодца воды. Наканунѣ праздника запасаютъ въ домъ столько воды, чтобы ея стало на весь праздникъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Абиссиніи до сихъ поръ еще празднуется суббота наравнѣ съ воскресеньемъ, и всѣ работы по хозяйству и домашнему обиходу исполняются еще въ пятницу, чтобы не нарушался покой двухъ слѣдующихъ дней.

За соблюденіемъ заповѣди: „помни день субботній“ . . . , слѣдятъ особенно строго абиссинскіе священники. Они, не обинуясь, налагаютъ анаѣему на всѣхъ, кого увидятъ работающимъ въ праздникъ. — Къ анаѣематствованію они прибѣгаютъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ прекратить драку или заставить преступника сознаться въ совершенномъ преступленіи. „Анаѣема“ — это страшное слово въ устахъ священника ¹⁾. Абиссинцы боятся ея, какъ огня. И это потому, что никто, кромѣ положившаго ее священника, не въ правѣ разрѣшить ее, а умершій до снятія признается осужденнымъ на вѣчныя мученія. За анаѣематствованнаго покойника не совершаютъ обычныхъ, весьма распространенныхъ въ Абиссиніи, поминовеній. Его не хоронятъ даже на общемъ кладбищѣ — въ оградѣ церкви, а гдѣ попало закапываютъ за селомъ. Только дѣти свободны отъ опасности подвергнуться священнической анаѣемѣ. Но эта льгота иногда ложится на нихъ тяжелыхъ бременемъ, именно въ тѣхъ, впрочемъ рѣдкихъ случаяхъ, когда старшіе заставляютъ дѣтей дѣлать то, чего сами не рѣшаются дѣлать изъ страха предъ священнической анаѣемой. Бываетъ, напримеръ, такой случай. Кто нибудь пошлетъ ребенка въ празд-

¹⁾ Въ этанагастѣ (абиссинскомъ судебникѣ) между прочимъ упоминается абиссинскимъ пастырямъ, что они имѣютъ власть не только рѣшить, но и вязать, т. е. налагать анаѣему.

никъ въ лѣсъ собирать дрова. Юнаго труженника и нарушителя закона кто-нибудь увидитъ въ то время, когда тотъ усердно, въ потѣ лица, исполняетъ волю старшихъ, и не медленно донесетъ объ этомъ священнику. Въ результатѣ что же? Все, собранное бѣднягой, сжигается дотла. Нужно замѣтить, что по распространенному въ Абиссиніи взгляду не донести священнику о совершенномъ преступленіи считается грѣхомъ. Свидѣтель преступления въ этомъ случаѣ признается причастнымъ совершенію его.

Ш.

Настроеніе народа въ Абиссиніи болѣе, чѣмъ гдѣ либо, тѣсно связано съ религіею, съ Церковью. Въ праздникъ народъ ликуетъ, радуется, играетъ, пируетъ. Праздникъ въ Абиссиніи—праздникъ вездѣ,—въ церкви, въ семьѣ, въ народѣ, въ селахъ, городахъ, въ школахъ, монастыряхъ, пустыняхъ. Но когда наступитъ постъ, и въ храмахъ раздается заунывное (ызле) пѣніе, вся страна снимаетъ съ себя свѣтлую одежду и измѣняетъ свой радостный обликъ на печальный. Народъ постится строго. За исключеніемъ больныхъ и совсѣмъ слабыхъ, остальные питаются хлѣбомъ, зеленью и водою. Ѣдятъ разъ въ сутки—вечеромъ. Кладутъ въ сутки по тысячѣ и болѣе поклоновъ. Въ дни поста Абиссинія—это сплошной громадный монастырь, съ десяти миллионной братіей. Почти всѣ обитатели ея дѣлаются монахами, аскетами, подвижниками.

Всѣ шесть седмицъ великаго поста абиссинцы проводятъ и чтятъ совершенно одинаково, не давая предпочтенія одной какой либо изъ нихъ предъ прочими. Къ особенностямъ великопостной службы относятся: характеръ церковныхъ напѣвовъ—печальный (ызле), содержаніе положенныхъ въ „дуга“ молитвъ и пѣснопѣній (которыхъ впрочемъ въ сельскихъ храмахъ, за неимѣніемъ дуга, не поютъ), время совершенія литургіи—съ трехъ часовъ дня (по восточному 9 ч. вечера), и—только.

Но съ субботы послѣдней седмицы (субботы Лазаря) служба въ храмахъ значительно измѣняется. Настоятель въ этотъ день приносить въ храмъ громадную книгу, храня-

щуюся до сихъ поръ въ Ыккавстѣ, и кладеть ее на аналоѣ предъ иконостасомъ. Книга эта, называемая „Гывра-Хыммаматъ“ (дѣянiя-страданiя), содержитъ въ себѣ весь составъ службы въ недѣлю Ваиѣ, страстную и свѣтлую седмицы. Гывра-Хыммаматъ стоитъ очень дорого—до 300 руб. Она должна быть непременно приобрѣтена въ каждый, даже самый бѣдный храмъ.

Въ субботу вечеромъ въ алтарь приносятся пучки финиковыхъ вѣтвей, гдѣ освящаются священникомъ. Послѣ саасата, а въ монастыряхъ и соборахъ послѣ моудбыса (саасать и моудбысь—утреннiя службы) настоятель раздаетъ вѣтви народу, обращаясь къ каждому съ словами привѣтствiя. Съ этими вѣтками народъ стоитъ во время обѣдни, которая начинается непосредственно послѣ раздачи.

Въ полночь на понедѣльникъ ударъ церковнаго колокола возвѣщаетъ народу о началѣ страстей. Это Иисусъ зоветъ насъ раздѣлить съ нимъ страданiя, говорятъ абиссинцы, и спѣшатъ въ храмъ. Только тяжело больные остаются и молятся дома. — Пойдемъ за народомъ въ храмъ и посмотримъ, что тамъ совершается. Всѣ двери, ведущiя въ алтарь, заперты и покрыты черною матерiей. Посреди храма стоитъ аналой съ книгой страстей. Входятъ южными дверьми священники. Облачившись въ восточной части храма, они выходятъ на средину и становятся вокругъ аналая. Начинаются часы. Но это не тѣ часы (саасать), съ которыми мы уже знакомы. Въ теченiе двухъ съ половиной часовъ, которые длится служба каждаго часа, всякій присутствующiй въ храмѣ долженъ положить не менѣе 500 поклоновъ. Чтобы не сбиться въ счетѣ, поклоны отсчитываются по узламъ четокъ, которыя, нужно замѣтить, носятъ почти всѣ абиссинцы — христiане. О началѣ и о концѣ службы каждаго часа возвѣщаетъ аккавесать (наблюдатель часовъ). Онъ слѣдитъ, чтобы онъ длился не менѣе двухъ съ половиной часовъ. Когда аккавесать возвѣститъ, что служба часа окончилась, народъ выходитъ изъ храма, но не на долго, только на полчаса. Затѣмъ снова начинается служба часовъ, длясь опять $2\frac{1}{2}$ часа, по окончанiи которыхъ опять получасовой отдыхъ и т. д. Въ теченiе понедѣльника, вторника и среды страстной седмицы литургiи не служатся вовсе, а только часы, которые въ эти дни идутъ почти не-

прерывно. Трое сутокъ къ ряду народъ молится въ храмѣ, кладя на каждомъ часѣ по 500 поклоновъ, т. е. въ теченіе сутокъ 4000, а въ теченіе понедѣльника, вторника, среды и половины четверга 18000.

Порядокъ страстнаго саасата слѣдующій: на немъ читывается вся псалтирь семь разъ. Въ чтеніи ея принимаютъ участіе всѣ грамотные и тѣ, которые знаютъ ее наизусть. Она распредѣляется по одному псалму между всѣми чтецами. Чтецы читаютъ всѣ разомъ, такъ что вся псалтирь прочитывается въ церкви минутъ въ десять. Такимъ способомъ она прочитывается на каждомъ саасатѣ семь разъ. За псалтирью слѣдуютъ библейскія чтенія, которыя на каждомъ саасатѣ перемѣняются. Затѣмъ читаются молитвы съ поклонами: это 1) молитва Троицѣ, 2) Спасителю и 3) Божіей Матери. Послѣ импровизированной молитвы священника и „Отче нашъ“ въ храмѣ раздается вопль народа: *gurі алайсонъ!* (*κύριε ἐλέησον*). Этотъ возгласъ повторяется до тысячи разъ, попеременно-то правой, то лѣвой стороною; причемъ всѣ непрерывно кладутъ земные поклоны, отсчитывая по четкамъ, чтобы ихъ вышло 300.

Служба страстныхъ часовъ оканчивается къ полудню великаго четвертка. Послѣ столь продолжительнаго и тяжелаго молитвеннаго подвига наступаетъ отдыхъ часа въ три. Кое-кто, придя домой съѣдаетъ ломоть хлѣба и запиваетъ водой. Самыми слабыми вѣрой среди абиссинцевъ считаются тѣ, которые на страстной седмицѣ вкушаютъ пищу вечеромъ каждаго дня; болѣе благочестивые разрѣшаютъ себѣ ѣсть только въ четвергъ и въ субботу. Но есть такіе строгіе постники, которые на страстной седмицѣ ѣдятъ хлѣбъ только въ великую субботу—утромъ.

Въ великій четвертокъ, часа за два до захода солнца, народъ собирается въ храмъ. Запертыя до этого времени боковыя двери, ведущія въ алтарь, открываются. Послѣ краткой молитвы бываетъ торжественная процессія—шествіе клира и народа вокругъ церкви. Смыслъ этого обхожденія—напомнить народу о томъ, какъ Иисусъ Христосъ предъ крестными страданіями Своими ходилъ вблизи града Давида съ апостолами и изрекъ къ нимъ свою прощальную бесѣду. При обхожденіи бываетъ четыре остановки, во время которыхъ читается евангелію. Обойдя разъ, толпа останав-

ливается у входныхъ дверей храма. Тутъ ставится деревянный стулъ, и около него два умывальника съ водой, накрытые бѣлымъ полотенцемъ. Послѣ чтенія евангелія (Ин. XIII, 4—15), въ которомъ говорится о томъ, какъ Иисусъ Христосъ омылъ ноги своимъ ученикамъ, старшій іерей подходитъ къ стулу. Взявъ въ руки умывальникъ и полотенце, онъ опускается на колѣна и моетъ обѣ ноги священнику, сѣвшему на стулѣ потомъ отираетъ ихъ полотенцемъ. Тоже самое онъ дѣлаетъ всѣмъ священникамъ и діаконамъ, которые по очереди садятся на стулѣ, потомъ онъ умываетъ ноги и мірянамъ,—только мужчинамъ. Омовеніе ногъ продолжается нѣсколько часовъ. Въ это время священники поютъ церковныя пѣсни, а народъ причитаетъ стихъ:

„Апостолы Его сидѣли кругомъ, ноги своихъ учениковъ Онъ умывалъ“.

По окончаніи обряда всѣ входятъ въ храмъ, гдѣ начинается литургія Спасителя (кыддаси—*εκζησι*). За этой литургіей по принятому въ Абиссиніи обычаю причащаются всѣ клирики и ихъ семейства. Служба оканчивается около десяти часовъ вечера.

Въ Великую пятницу, еще задолго до солнечнаго восхода, народъ уже въ храмъ. Обстановка внутри храма такая же, какая была первые три дня седмицы: двери алтаря заперты, и весь иконостасъ окутанъ снаружи черною матеріей. Посреди храма стоитъ аналой съ книгой, и вокругъ него священники въ ризахъ. Они поочередно, смѣняя другъ друга, читаютъ службу Великаго Пятка. Въ ней чтеніемъ изъ пятокнижія, пророчествъ, твореній св. отцовъ, евангелія, также псалмами воспроизводится въ памяти вся исторія приготовленія людей къ искупленію и самаго искупленія. Въ полдень аккавесать (наблюдатель часовъ) дѣлаетъ знакъ, по которому вся толпа, наполняющая церковь, выходитъ вонъ. По выходѣ народа всѣ двери храма запираются. Въ немъ имѣетъ совершиться тайна—мистиръ. Проходитъ полчаса или часъ; толпа стоитъ вокругъ храма и таинственно и благоговѣйно ждетъ. Вдругъ всѣ двери храма раскрываются настежь. Мгновенно храмъ, какъ громадный бассейнъ, наполняется народомъ. Тогда взорамъ всѣхъ представляется слѣдующее. На царскихъ вратахъ алтаря виситъ человѣческая фигура въ естественную величину съ распро-

стертыми руками. Голова висящаго плотно обвита бѣлою пеленою, такъ что всѣ очертанія лица явственно выдаются. Фигура одѣта въ цвѣтной хитонъ, концы рукавовъ котораго связаны веревкой такъ, что кистей рукъ не видно. Ноги фигуры, начиная отъ колѣнъ, закрыты стоящимъ возлѣ длиннымъ столомъ. Столъ этотъ покрытъ спускающей до самой земли скатертью и уставленъ священными предметами. Тутъ лежатъ всѣ драгоценности храма, вынесенныя на этотъ разъ изъ ыккавета (сокровищницы), какъ то: иконы, золотые и серебряные кресты, евангелія, чаши, диски, кадильницы, дорогія священническія и діаконскія облаченія и пр.

Войдя въ храмъ и увидавъ распятую на вратахъ алтаря фигуру человѣка, толпа съ воплемъ: „gúri алайсонъ!“ повергается на землю, священники поютъ печальные гимны въ честь распятаго Господа. Послѣ ветхозавѣтныхъ пророчествъ, евангелія и молитвы: „Отче нашъ“ прочитываются слѣдующія книги: 1) Таамеръ Исусъ (чудеса Исуса, не упоминаемыя въ евангеліи), 2) Таамеръ Марьямъ (чудеса дѣвы Маріи) и 3) страданія мучениковъ.

Въ 9 часовъ вечера (по нашему въ три), по знаку аккавесата, народъ опять выходитъ изъ храма. Въ теченіе получаса обстановка храма значительно измѣняется. Снимается завѣса, окутывающая алтарь, боковыя двери отпираются. священники снимаютъ висящую на вратахъ человѣческую фигуру и уносятъ ее въ алтарь. Но тутъ же, въ алтарѣ, они находятъ другую фигуру, заранѣе сдѣланную. Фигура эта изображаетъ собою повитаго по рукамъ и ногамъ мертвеца. Когда народъ входитъ въ храмъ, одновременно съ этимъ отверзаются царскія врата. Предъ глазами народа открывается слѣдующее зрѣлище: въ самыхъ дверяхъ стоятъ два священника въ облаченіи и держатъ повитую фигуру мертвеца. Священники изображаютъ собою Іосифа и Никодима. Народъ поклоняется до земли трижды, священники же обносятъ мертвеца вокругъ алтаря съ пѣніемъ погребальныхъ пѣсень. Когда плащаницу внесутъ въ алтарь, царскія врата закрываются; чинъ погребенія совершенъ. Слова начинается служба, которая по обыкновенію состоитъ изъ чтенія псалтири, евангелія и пророчествъ. Въ заключеніе читается книга, имѣющая любопытное заглавіе: „Ма-

угафъ—дорфо“—книга пѣтуха ¹⁾. Въ ней излагается исторія заговора іудеевъ противъ Иисуса Христа и дальнѣйшій ходъ событій до воскресенія. Но вотъ чтеніе окончилось... На амвонѣ появляется гавасъ (настоятель) съ тростью въ рукѣ. Всѣ подходятъ къ нему по одиночкѣ,—сначала клирики, потомъ народъ. Каждый, пригнувшись, подставляетъ свою спину и получаетъ сорокъ ударовъ тростью. Кромѣ того гавасъ назначаетъ каждому число поклоновъ, которые тотъ обязанъ положить тутъ же, въ храмѣ. Это уже послѣдніе поклоны. Получившій удары отходитъ немного въ сторону и, отсчитавъ свои поклоны, идетъ домой, унося съ собою отрадную мысль, что онъ сострадалъ Христу. Гавасъ же, по окончаніи обряда, передаетъ трость второму священнику, и самъ получаетъ отъ него положенные сорокъ ударовъ. Такъ оканчивается день великаго пятка. Пищи въ этотъ день ависсинскіе христіане не вкушаютъ вовсе.

Въ великую субботу служатся часы-саасать обыкновенные, не страстные, а въ большихъ соборахъ и монастыряхъ, гдѣ есть хоръ, служится моудбысь. Народу въ храмѣ бываетъ очень мало, такъ какъ большинство мірянъ въ это время бываетъ занято приготовленіями къ наступающему великому празднику. На обѣднѣ народу бываетъ тоже мало.—Предъ обѣдней совершается еще короткая, но торжественная служба, называемая мелтанъ. Она бываетъ только въ великую субботу, на пасху и на храмовой праздникъ. О составѣ ея будетъ сказано ниже.—До обѣдни въ великую субботу въ алтарь приносятся обернутыя въ облачальныя ткани снопы тростниковыхъ вѣтокъ. Послѣ освященія ихъ каждый діаконъ беретъ себѣ нѣсколько сноповъ. По окончаніи обѣдни съ этими снопами духовенство отправляется во всѣ села своего прихода. Въ каждое село посылаются одинъ священникъ съ діакономъ. Входя въ домъ, они привѣтствуютъ хозяевъ и раздаютъ всѣмъ членамъ семейства по вѣткѣ. Побывавъ во всѣхъ селахъ, домахъ, причтъ немедленно возвращается домой, чтобы до захода солнца быть уже въ церкви.

---

¹⁾ Авторъ этой книги неизвѣстенъ. Ависсинцы объясняютъ происхожденіе ея такъ: она написана по сообщенію пилатова пѣтуха, который былъ свидѣтелемъ страданій Спасителя.

IV.

Вечеромъ въ великую субботу, какъ только зайдетъ солнце, въ приходскую церковь начинается стекаться народъ изъ окрестныхъ селъ. Всѣ одѣты въ чистыя бѣлыя одежды; церковь украшена зеленью, полъ посыпанъ мелкой душистой травой. Часовъ въ семь начинается мелтанъ. Въ началѣ его діаконъ читаетъ длинную молитву, состоящую изъ отдѣльныхъ прошеній, на которыя весь народъ отвѣчаетъ словами: „guri алайсонъ!“ Съ послѣднимъ возгласомъ народа изъ алтаря выходитъ архидіаконъ съ большимъ выноснымъ крестомъ. Ставъ на амвонъ и держа въ рукѣ крестъ, онъ поетъ медленно стихъ: „Воста яко спя Господь, яко силенъ и шумень отъ вина: и порази враги своя вспяты, поношеніе вѣчное даде имъ“ (Пс. 77, 65—66). Это пасхальный прокимень. Внѣ храма въ это время вдругъ раздается залпъ ружей, стукъ барабановъ, звонъ колоколовъ... Вотъ голосъ архидіакона смолкъ, и на смѣну ему поетъ весь народъ, вся церковь: „Воста яко спя Господь“ и т. д. Воодушевленіе народа въ это время бываетъ до того сильно, что звуки пѣнія, выходящіе изъ народной груди, почти заглушаютъ ружейные залпы, звонъ, шумъ, раздающіеся внѣ храма. Послѣ прокимна читается воскресное евангеліе. Предъ этимъ священнослужители въ дорогихъ цвѣтныхъ облаченіяхъ выходятъ на амвонъ. Впереди идетъ гавасъ съ книгой евангелія на груди. Онъ передаетъ его архидіакону, а самъ беретъ въ руки крестъ. Архидіаконъ, раскрывъ евангеліе, держитъ его на своей главѣ предъ гавасомъ, по сторонамъ котораго становятся два діакона со свѣчами и два іерея съ кадильницами. При такой торжественной обстановкѣ раздается радостная евангельская вѣсть о воскресеніи Спасителя. По прочтеніи евангелія архидіаконъ относитъ его въ сторону и полагаетъ на аналоѣ. Весь народъ поетъ пасхальный гимнъ: „Христось воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть уничтожилъ и погребеннымъ въ гробахъ жизнь и вѣчный покой даровалъ“. Затѣмъ слѣдуетъ мелтанъ—пѣснь, въ которой выражается смыслъ праздника и отъ которой заимствовано названіе для самой службы. Эту пѣснь поетъ сначала начальникъ хора—маріетта, а въ

сельскихъ церквахъ, гдѣ нѣтъ хора, ее поетъ кто-нибудь изъ діаконовъ или способныхъ къ этому мірянъ. Предъ пѣніемъ мелтана ученикъ, взявъ съ рукъ архидіакона крестъ, передаетъ его начальнику хора. Послѣ solo мелтанъ повторяется всѣмъ хоромъ пѣвцовъ, съ участіемъ кимваловъ, барабановъ и пр. Какъ только звуки мелтана смолкнутъ, на амвонъ выходитъ гавасъ и, обращаясь къ народу, привѣтствуетъ его словами: „Христось воскресъ!“ — Народъ отвѣчаетъ: „съ большею властью и силой“.

— Гавасъ: „Онъ освободилъ Адама“.

— Народъ: „и связалъ сатану“.

— Гавасъ: „Отнынѣ настали для насъ радость и веселіе“.

При обмѣнѣ привѣтствіями, лобзанія, какъ у насъ, у абиссинцевъ не бываетъ. Вслѣдъ затѣмъ непосредственно служится литургія. Изъ четырнадцати литургій на этотъ день выбирается обыкновенно самая краткая. Къ полуночи вся служба пасхи отходить.

Послѣ обѣдни во всѣхъ домахъ устраивается семейное торжество — разговѣнье. Въ первый день пасхи нишіе не ходятъ за подааньемъ. За недѣлю или за двѣ до пасхи каждый ницій обязанъ обойти богатыхъ поселянъ и собрать все, необходимое для пасхальнаго разговѣнья. Нужно еще замѣтить, что заготовленіе мясной пищи бываетъ не на страстной седмицѣ. Животное, зарѣзанное въ постъ, считается у абиссинцевъ оскверненнымъ. Чтобы избѣгнуть этого, поступаютъ такъ: въ храмъ конечно идутъ не всѣ; въ каждомъ домѣ остается кто-нибудь изъ слугъ или членовъ семьи. На остающихся и возлагается обязанность слѣдить, когда въ храмѣ раздастся благовѣсть, возвѣщающій о воскресеніи Спасителя, чтобы послѣ этого момента приступить къ закланію животнаго, предназначеннаго для пасхальнаго разговѣнья.

При каждомъ храмѣ есть два или три барабана необыкновенно большихъ размѣровъ. Еще съ великой пятницы барабаны выставляются противъ солнца для просушиванія, которое усиливаетъ звукъ. Когда бьютъ въ эти барабаны, то звукъ отчетливо разносится верстъ на пятнадцать-двадцать вокругъ. Такимъ образомъ слышать звукъ пасхальнаго

благовѣста удается всѣмъ, даже находящимся въ самыхъ отдаленныхъ отъ храма поселкахъ.

Въ пасхальную ночь въ каждомъ домѣ кто-нибудь уже сидитъ съ ножомъ надъ связаннымъ ягненкомъ, чтобы съ ударомъ въ барабаны вонзить желѣзо въ сердце животнаго. Пока ушедшіе въ церковь возвратятся домой, мясо, спеченное въ угляхъ, уже красуется на столѣ вмѣстѣ съ другими яствами. — Церковнаго освященія пищи на пасху—какъ у насъ—въ Абиссиніи не бываетъ.

Послѣ обѣда сосѣди посѣщаютъ другъ друга, привѣтствуя съ праздникомъ. Лобзаній при этомъ, какъ и въ храмѣ, не бываетъ. Во всю пасхальную седмицу работъ не бываетъ. Въ Абиссиніи есть еще такой обычай. Каждое село за время отъ свѣтлаго понедѣльника до субботы должно устроить у себя одинъ обѣдъ, называемый ля-маскаль—въ честь креста. Это ничто иное, какъ обѣдъ для клириковъ. Въ первый день пасхи клирики разговляются съ своими семействами, а въ послѣдующіе дни они должны посѣтить всѣ села своего прихода. Это цѣлое побѣдоносное шествіе креста Господня. Громадный деревянный крестъ, украшенный растеніями, несетъ настоятель храма, облаченный въ ризы. Его окружаетъ весь клиръ: священники, діаконы, церковный сторожъ, пекаръ и пр. Входя въ село, весь этотъ сонмъ поетъ:

„Онъ (Спаситель) сдѣлалъ миръ крестомъ Своимъ,
И воскресеніе Его несомнѣнно“.

Для обѣда ля-маскаль всѣ жители села должны жертвовать, кто что можетъ. Всякій старается оказать побольше усердія, и обѣдъ выходитъ обильнымъ не въ мѣру, и клирикамъ удается съѣсть, можетъ быть, только одну десятую долю всего, что бываетъ заготовлено.

Всю свѣтлую пасхальную седмицу абиссинцы проводятъ по своему, не такъ, какъ другіе христіанскіе народы. Тутъ не найдете вы эффе́ктныхъ народныхъ зрѣлищъ, — праздничныхъ увеселеній, гуляній, между тѣмъ какъ—по словамъ очевидцевъ—пасхальная радость кажется разлитой повсюду. Она наполняетъ душу всего народа, для котораго нѣтъ другихъ интересовъ, кромѣ религіозныхъ. Народъ согласно, единодушно и единомысленно, испытываетъ одно и тоже радостное чувство, по поводу одного и того же событія—

воскресенія Христова. Эта радость выражается въ отношеніяхъ между людьми, на лицахъ, словахъ, разговорахъ, въ жизни семействъ, въ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ и родителей къ дѣтямъ, въ отношеніяхъ между супругами, начальниками и подчиненными, наставниками и учениками... Нѣтъ человѣка, который бы не испытывалъ общей радости, между тѣмъ какъ постороннему наблюдателю, далекому отъ жизни этого народа, можетъ показаться, что абиссинцы проводятъ пасху скучно. Нужно, конечно, самому стать на мѣстѣ народа, мыслить съ нимъ, жить съ нимъ, чтобы понимать его въ различныхъ обстоятельствахъ его жизни.

Е. Долганевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
